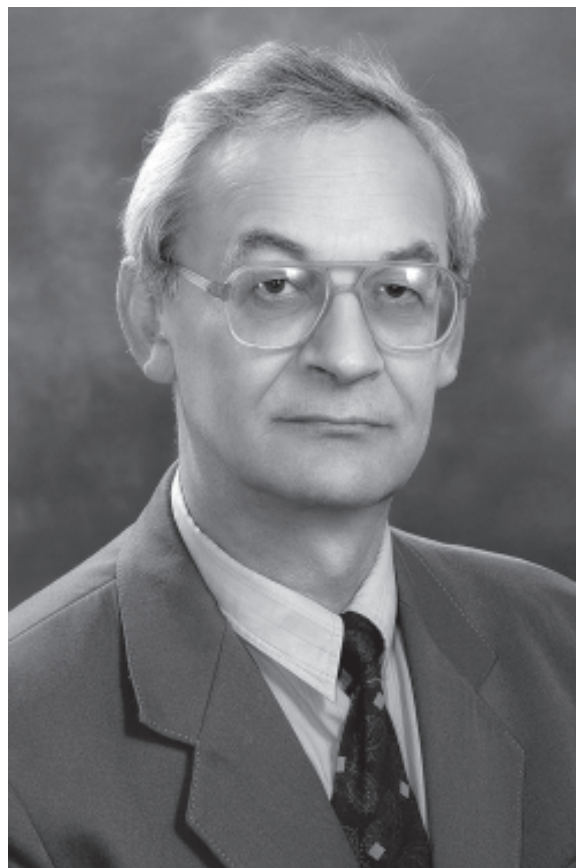

«ЖИВУ В СЕГОДНЯ...»
(К 60-летию В. В. Кривоносова)

Итак, очередной юбилей... Для вуза, просуществовавшего сорок лет, пришел черед подсчитывать трофеи. Гордость любой консерватории – не только в студентах и выпускниках-лауреатах. Это, так сказать, последствия. Гордость, прежде всего, – в причинах, т. е. в тех, кто воспитал, научил, поставил на ноги... Лучших наших педагогов, составляющих основу педагогического коллектива, приходится поздравлять уже не с тридцати-, сорока- и даже не с пятидесятилетием. Что ж, следующий юбилей – вовсе не повод для грусти. Просто прожита некая, достаточно продолжительная, временная дистанция. Есть что вспомнить, о чем поговорить. Сегодня время разговора наступило для профессора кафедры народных инструментов Виктора Васильевича Кривоносова, отдавшего работе в консерватории более тридцати лет. Но для начала – краткая биографическая справка.

Виктор Васильевич родился 27 мая 1947 года в поселке Кольшлей Пензенской области. Путь к большой музыке лежал через культпросветучилище в Пензе, которое Виктор Васильевич вскоре «променял» на музыкальное училище им. Гнесиных в Москве. Там он попал в класс А. П. Козина (ученика П. И. Нечепоренко), а в институте им. Гнесиных учился уже у самого мэтра. Параллельно работал в оркестре русских народных инструментов Всесоюзного радио и телевидения п/у В. Федосеева и преподавал в училище им. Гнесиных. В 1973 году, в силу тогдашней непреодолимой традиции распределения, попал в Ростовский музыкально-педагогический институт, где и работает по сей день. Параллельно на протяжении семи лет вел класс домры в Таганрогском музыкальном училище, более двадцати лет играл на балалайке в ансамбле «Калинка». За годы работы подготовил шесть лауреатов международных, всероссийских и региональных конкурсов. Но все это – сухие факты, которые никак не передают обаяния мягкого, всегда приветливого человека, обладающего, вдобавок ко многим человеческим и профессиональным достоинствам, еще одним уникальным свойством помнить все: людей, события, факты...

Итак, сегодня мы говорим с Виктором Васильевичем о нем самом, о его пути к музыке, о вчерашнем и будущем.

Е. П.: Как Вы пришли в музыку? Почему балалайка?

В. К.: Выбор даже для меня самого был достаточно неожиданным. Конечно, в моей семье и мама, и отец, и старший брат играли на всех струнных инструментах, часто музицировали по вечерам. Мне же хотелось быть вовсе не музыкантом. Я неплохо рисовал и собирался поступать в художественное училище. Но в какой-то момент – это было где-то в конце пятидесятых – я услышал по радио передачу про Павла Ивановича Нечепоренко. Надо сказать, что в те времена передач о народных инструментах было очень много, постоянно звучали произведения Будашкина, Куликова, Андреева. С

такой музыкой и ассоциировалась тогда балалайка. И вдруг я слышу в исполнении Нечепоренко Фантазию на темы из оперы «Кармен»! Я был настолько поражен, что тут же взял балалайку и стал подбирать, пытаясь повторить только что услышанное. Наверное, это был один из определяющих моментов. Ну и возраст (10–11 лет) – я все время чем-то увлекался: историей древнего мира, средних веков, современной историей, рисованием... Эти метания плюс любовь к домашнему музицированию в семье и подтолкнули меня к музыке. Наверное, вкус к игре я почувствовал, когда стало что-то получаться, и из всех инструментов, которые звучали тогда дома, больше всего мне нравилась именно балалайка. Кстати, я и сейчас не жалею о своем выборе.

– Как Вы попали в Москву?

– Это достаточно длинная история. Я занимался в художественной самодеятельности, брат мне аккомпанировал на гитаре. Наш дуэт даже стал лауреатом какого-то областного конкурса, и мне рекомендовали продолжать образование. После восьмого класса я пришел в музыкальное училище, «прослушался», и мне сказали, что по уровню я соответствую требованиям и могу поступать... Но, как всегда, советчиков вокруг было немало и я оказался в культпросветучилище. Конечно, меня туда взяли «с руками и ногами» – я был там единственным балалаечником. За год я прошел огромный путь: играл в оркестре, ансамбле, научился неплохо читать с листа, освоил азы сольфеджио, гармонии – в общем, получил основы профессиональной подготовки. Конечно, уже к концу первого курса я понимал, что уровень и направленность преподавания – не те, к которым я стремился. И настал день, когда я решил уйти и пошел к директору училища за документами... Конечно, он меня не отпустил. Но, к счастью, в те годы шла перестройка системы образования с семи- на восьмилетний «срок» – поступать можно было и после восьмого, и после седьмого класса. А у меня дома лежал аттестат за седьмой класс! С ним-то я и поехал в Москву, предварительно получив отсюда письменное подтверждение того, что могу сдавать вступительные экзамены. Отъезд мой стал небольшим испытанием: отец был против того, чтобы я учился музыке, считая это недостойным мужчины занятием.

– Итак, Вы в Москве: четыре года в Гнесинском училище, затем пять лет в самой Гнесинке. За де-

вать лет можно почувствовать себя столичным жителем. В последние годы обучения Вы играли в ОРНИ Всесоюзного радио и телевидения п/у В. Федосеева. И впереди, я думаю, была не самая плохая перспектива яркой столичной жизни... Вы не жалеете, что пришлось уехать?

– Я так устроен, что никогда ни о чем не жалею. Если случилось так, а не иначе, – так тому и быть. У меня было много предложений: меня звали преподавать в музыкальное училище г. Электросталь в Подмосковье, солистом в оркестр «Русские узоры» В. Зозули, но в Москве было сложно остаться из-за прописки. Для этого нужно было жениться на москвичке, а я к тому времени уже сделал свой, неконъюнктурный, выбор. По распределению мне предлагали Куйбышевский институт культуры, Орловский институт культуры, Астраханскую консерваторию, Воронежский институт искусств и Ростовский музыкально-педагогический институт. Я выбрал последний вариант по многим соображениям, в том числе и потому, что тут уже работали А. Данилов и В. Семенов – мои близкие знакомые по Гнесинке, которую они закончили чуть раньше.

– Пока Вы находились в Москве, Вам повезло учиться у многих выдающихся педагогов, общаться с теми, кто потом стал известен не только в России, но и во всем мире. Какие Ваши самые яркие впечатления из той поры?

– Так много всего было... Мы учились вместе, «варились в одном соку» и не очень-то задумывались о том, что впереди. Вокруг было очень много талантливых людей – и среди педагогов, и среди однокурсников. Например, с Сашей Склиаровым мы девять лет проучились вместе в училище и институте. Пересекались мы и с Зажигиным, и с Дербенко, и с Гридиным, и с Ореховым... Со многими я был знаком, но тогда мы не обращали внимания на то, кто более, а кто менее «выдающийся» – и учились, и отдыхали, и прогуливали все вместе. Конечно, незабываемы впечатления от концертов, на которые мы пробирались всеми правдами и неправдами. Да и педагоги мои – из тех, кого сегодня считают мэтрами, основателями лучших вузовских традиций: П. И. Нечепоренко, Ю. Н. Шишаков, С. Г. Делицкий, С. М. Колобков, А. С. Ильин, А. Я. Александров...

– Итак, после Москвы Вы оказались в Ростове. Наверное, ситуация была не так проста: молодой вуз, неустоявшиеся еще в чем-то требования, яр-

кие, по-хорошему амбициозные коллеги. Пришлось ли приспособливаться, искать свою нишу?

– В новой ситуации всегда, волей-неволей, приходится приспособливаться. В 1973 году, когда я приехал в Ростов, я столкнулся с непривычной для себя обстановкой: здесь, на юге России, русские народные инструменты были очень слабо развиты, в школах и музыкальных училищах домра и балалайка почти не были представлены, студентов было мало, подготовлены они были плохо. Практически первым, кто начал вести преподавание на профессиональном уровне, был В. С. Шевченко (выпускник Гнесинки 1967 г.). Он столкнулся с бешеным сопротивлением остальных педагогов, мало что понимавших как в самом инструменте, так и в том, как надо учить на нем играть. Ситуация почти не изменилась и с приездом Данилова (в 1971 г.), и к моему появлению в Ростове. Надо было заниматься каждодневной работой. Так что наши профессиональные интересы скорее сочетались, чем сталкивались. Окидывая взглядом прошедшие годы, конечно, испытываю чувство удовлетворения от того, что все происходило на моих глазах: ростовская струнно-щипковая школа, формировавшаяся практически с нуля, сегодня по праву считается одной из лучших. Думаю, что небольшая доля моих трудов в этом тоже есть.

– Доля длиною в 35 лет!

– Да, уже 35 лет... Может быть, приехать на готовое было бы легче, но точно не так интересно! Специфика работы в провинциальном вузе – еще и в том, что здесь ты должен уметь работать с разными по способностям и степени заинтересованности студентами. Ведь если в Москву приезжают лучшие, самые одаренные и целеустремленные, то здесь бывает всякое. И надо уметь работать и показывать результат в любом случае, исправлять испорченные руки, учить слышать, думать, контролировать...

– Ежедневный многолетний труд.

– Да...

– Но, наверное, из этой длинной череды дней в памяти сохраняются дни, ознаменованные самыми большими удачами – или, может быть, неудачами?

– Конечно, как у каждого, бывали неудачи, бывали и удачи. Например, успех Миши Савченко – теперь моего коллеги, старшего преподавателя кафедры. Он, хотя заканчивал не у меня, был моим учеником в училище и институте, и когда он стал

первым в 1990 году на Всероссийском конкурсе в Горьком, я тоже испытывал гордость: думаю, там была частица и моей работы... Марина Замула – в годы учебы блестящая студентка, лауреат Всероссийского конкурса, ныне прекрасный преподаватель... Думаю, мне есть что вспомнить.

– Вы – из того поколения балалаечников, на глазах и при участии которых происходил процесс трансформации балалайки от инструмента андреевского типа к современному концертно-академическому инструменту. Как Вы относитесь к этим переменам?

– Я хорошо помню: в те годы, когда я учился, Павел Иванович [Нечепоренко] был относительно молодым педагогом, уже до него сложились какие-то требования, программы, стандарты. Но когда он пришел в педагогику, то начал все это ломать. У него был совершенно другой взгляд на инструмент, на его возможности. И он своей деятельностью поменял, ни много ни мало, наше музыкальное мировоззрение! Он относился очень требовательно к качеству игры, не терпел плохой музыки, очень много искал в переложениях. Порой казалось, что произведение невозможно исполнить на балалайке – а в результате все хорошо звучало. Так что поворот в истории балалайки, который связан с именем П. И. Нечепоренко и его учеников – действительно новая веха в истории инструмента.

Другое дело, что есть определенные тревожные моменты: народные инструменты (и балалайка, и домра, и баян, и аккордеон) прошли путь эволюции значительно быстрее, чем другие классические инструменты. Взять, к примеру, скрипку: на протяжении столетий формировались исполнительские традиции, методика, складывался репертуар. А у народных инструментов все произошло буквально на наших глазах. В этом есть и большой плюс – мы имеем возможность ориентироваться на опыт других исполнительских школ, и большой минус – есть опасность детской болезни «левизны». Все очень быстро меняется, инструмент не успевает одну нишу освоить – и уже переходит в новый для себя статус. В этих шатаниях и кроется неустойчивость. Чрезмерное увлечение новой, современной музыкой не всегда адекватно уровню восприятия инструмента. Это касается и современного репертуара. Возникает вопрос: где его играть? Ведь задача исполнителя – не только в том, чтобы выйти на сцену, сорвать аплодисменты, а в том, чтобы показать инструмент во всех его проявле-

ниях, показать все его грани, проявить себя в роли талантливого интерпретатора... К сожалению, среди народников крайне мало музыкантов, действительно достойных большой сцены. Быстро и громко играющих – много, а вот по-настоящему высококлассных исполнителей – единицы.

– Вы рассуждаете о проблемах и перспективах развития исполнительства не только как педагог, но и как исполнитель. Вами исполнительская стезя тоже была пройдена, и немалая. Как Ваша исполнительская карьера развивалась после приезда в Ростов?

– Она у меня прекратилась из-за травмы левой руки, от сольных выступлений пришлось отказаться. Вскоре меня пригласил в свой ансамбль В. В. Успеннин, и в «Калинке» я проиграл больше 20 лет.

– Вы с ансамблем объездили чуть ли не полмира.

– Практически всю Европу, были в Сомали и Марокко.

– Есть что вспомнить...

– Да, с познавательной точки зрения это очень интересно. Как музыкант я не всегда был доволен, поскольку если тебе хорошо хлопают – это еще не значит, что ты хорошо играешь. Мои представления о том, что и как хотелось играть, не всегда совпадали с тем, что в итоге звучало со сцены... Даже записанная нами пластинка (порой включаю, слушаю) – иногда все не нравится, все не так, а иногда – вроде и ничего...

– Думаю, это связано с тем, что Вы не стоите на месте, и сегодня то, что было сыграно 10–20 лет назад, слушается уже другими ушами, с другим опытом...

– К себе всегда более критично относишься, знаешь все свои достоинства и недостатки.

– У Вас дома, наверное, особая атмосфера: жена – высокопрофессиональный концертмейстер, сын – блестящий, очень перспективный пианист. Вы и дома продолжаете жить околomuзыкальными и музыкальными проблемами, темами?

– Мы стараемся дома вообще не говорить о музыке, но чем больше стараемся, тем больше говорим. Конечно, когда семья состоит из музыкантов, это естественно, что профессиональные темы всплывают в бытовых разговорах.

– Не устаете от музыки?

– Нет. Мой младший сын не связан с классической музыкой, увлекается роком – вот от него я устаю.

– А что впереди, какие планы на будущее?

– Никогда не строю никаких планов, это моя привычка. Меня так тяготила раньше необходимость составлять планы чуть ли не на пять лет! Я не знаю, что будет завтра, а уж через несколько лет... Иногда запланированное вскоре становится тебе неинтересным, его вытесняют новые идеи, новые проекты... Люблю делать все с душой, с удовольствием, которое в моем случае плохо уживается с планированием. Жизнь за последние 10–15 лет научила нас тому, что любой самый продуманный план, размеренность в жизни могут быть сломаны в одно мгновение... Так что предпочитаю жить тем, что для меня интересно в данный момент, не заглядывая далеко вперед.

– Что ж, жить сегодняшним днем – мудро и одновременно по-мальчишески оптимистично. Пусть каждый новый день приносит Вам побольше творческих успехов, удовольствия от работы и от жизни. И не приносит проблем, болезней и неудач!

